

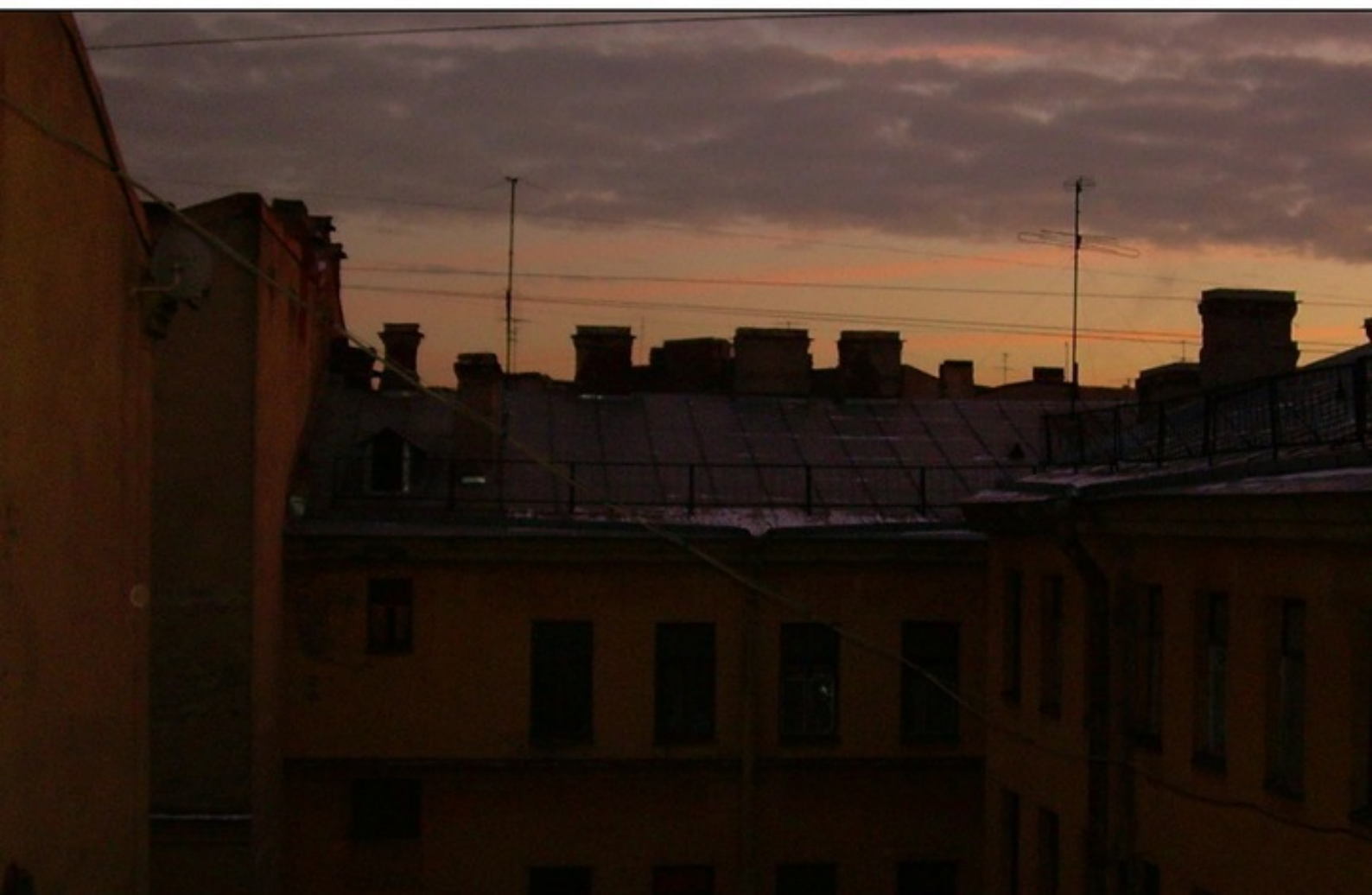
Анастасия Игнашева

Девчонка с Петроградской

Книга 1. Шакалёнок

Анастасия Игнашева
Девчонка с Петроградской

«Издательские решения»

Игнашева А. А.

Девчонка с Петроградской / А. А. Игнашева — «Издательские решения»,

Первая книга фантастической трилогии о Дашке Островой. Время действия — ближайшее будущее, контуры которого вырисовываются уже сейчас.. «Гибридные» войны, терроризм, экстремисты всех мастей, отправившиеся осваивать ближний космос, но не отказавшиеся от идеи завоевать мир. Марку Шакалёнок — агент Службы Безопасности — пытается внедриться в таинственную Организацию, на счету которой немало громких и грязных дел...

© Игнашева А. А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1. Хмурое утро	10
Глава 2. А тем временем где-то...	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Девчонка с Петроградской

Книга 1. Шакалёнок

Анастасия Андреевна Игнашева

© Анастасия Андреевна Игнашева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Почему вокруг хороших людей всегда
столько всякой мрази?*
(Д. Острова)

Я матом не ругаюсь. Я на нём разговариваю.
(генерал Лебедь)

...Много раз потом я пытался докопаться до истоков того, что происходило все эти годы и чему я сам был свидетелем и участником. Джаконда, со свойственной ей категоричностью и прямолинейностью, сказала как-то, что всё началось ещё в прошлом веке, а именно – в 1917 году, когда в России произошёл большевистский переворот. Я тогда посмеялся и посоветовал ей ещё Куликовскую битву припомнить, или, там, восстание Ивана Болотникова, или, чего уж мелочиться, – пришествие на Русь варягов во главе с Рюриком... Припомнили и 1991 год... Но про это и без того уже достаточно сказано и написано. Я расскажу лишь то, что сам знаю и в достоверности чего я сам уверен. Потому, как сам в этом участвовал... И началось всё не сто лет назад, а гораздо позднее. Мне тогда было 24, я был ещё летёхой, только-только закончившим Академию и получившим назначение на один из патрульных звездолётов. Назывался он «Пересвет». В обязанности космического патруля, как и теперь, входило слежение за космическим пространством в пределах Солнечной системы. Служба наша тогда состояла из пяти звездолётов: «Нибелунг», «Баярд», «Дмитрий Донской», «Пересвет» и «Роланд».

В тот день, в 13—15 по корабельному времени, мы обнаружили в нашем секторе патрулирования космический корабль, не подающий признаков жизни. Вскоре выяснилось, что это – «Дмитрий Донской». Меня вместе с группой спасателей отправили в разведку. Мы осмотрели корабль – он был основательно потрёпан, словно участвовал в какой-то стычке. В борту зияла глубокая пробоина, метров 10—15 в диаметре, корпус разгерметизировался, кругом следы пожара и полное отсутствие экипажа. Даже трупов не обнаружили. Толи их всех захватили живыми, но тогда возникает законный вопрос: «Кто мог это сделать?»; толи корабль столкнулся с каким-то космическим телом, но тогда возникает другой законный вопрос: «А где экипаж?» Если их вытянуло в космос через пробоину – то где тела? Вобщем – вопросов была куча – и ни на один из них не было вразумительного ответа. А те, что были, были настолько невразумительны, что их и озвучивать не стоит. Конечно, потом был и громкий скандал, и не менее громкие заявления, и расследование, и рыдающие родственники в программах новостей... Экипаж был международный, так что история эта наделала шума. А потом вдруг все разом замолчали, словно им кто рот заткнул. Дело очень резко замяли, расследование прекратили, запретив даже само упоминание о том, что произошло. Все результаты расследования изъяли и засекретили. Самого «Донского» после ремонта вернули в строй, но он считался уже несчастливым кораблём, и служить на него посылали либо в наказание, либо неудачников. И занялись, как всегда, поисками «стрелочников» и виноватых. Угодил в эту малопочтенную категорию и я. Сперва меня вообще хотели уволить из армии и отдать под суд, но потом, благодаря заступничеству друга моего отца, всего лишь перевели в наземные части. С тех пор мне никогда особо не везло по службе. Присвоение очередного звания задерживали, квартиры тоже не было, но мне это было как-то безразлично. Вскоре, благодаря помощи того же отцовского друга, я оказался в частях быстрого реагирования, а проще – в спецназе. Он добился моей реабилитации.

Звание полковника мне присвоили уже перед самой войной. Тогда же и квартиру дали. Ордер вручили одновременно с предписанием явиться к новому месту службы, так что переехать в наш новый дом мы с женой так и не успели. А через пару недель началась война.

Война – это пожар в борделе во время наводнения. Начальство катастрофически тупеет, когда дело доходит до принятия конкретных решений. В итоге – двадцать противоположных по сути приказов одновременно, раз... даяство и раздрай.

Известие о войне застигло нас в дороге. Отряд перебрасывали из Крыма в Архангельскую область. В связи с этим наш эшелон неделю простоял где-то на запасных путях в Тверской губернии.

Земля вступила в эту войну неподготовленной. Объединённое Командование было создано только через год после её начала. Тогда, в самом начале, мы всего за несколько дней лишились наших колоний на Марсе и баз на Луне. А потом долго отбивались от атак из космоса, гоняли нанятых террористов на Земле, ликвидировали заговоры и отвоёвывали обратно потерянное. А если честно – то эту проклятую войну выиграли восемь человек – диверсионная группа из шести бойцов моего отряда, да прапор-алкаш со своим водилой.

***

... – Вообще-то никогда не испытывала склонности к писанию мемуаров, ведению дневников и тому подобной чуши. Но однажды Батя сказал, что раз уж нас осталось всего четверо из тех, кто был, и кто сам всё на своей шкуре испытал, то надо всё записать. «Для потомков», так сказать... У нас тогда, помню, даже спор вышел, – с чего всё началось. Но потом Жека сказал, что у каждого всё началось по-своему. У Бати – когда они «Дмитрия Донского» обнаружили, у нас – когда мы пошли в армию. Для меня, впрочем, тоже всё началось гораздо раньше. Примерно в то же время, что и для Бати. У меня мама погибла. Попала под машину. И случилось это как раз под Новый год, 31 декабря. С тех пор у нас в семье не празднуют этот праздник. Мне было тогда 12 лет. Жили мы тогда в Тайцах. Вскоре после похорон меня забрала к себе крёстная – сестра отца. И я переехала в Питер. Это было родовое гнездо семьи Островых – огромная, комнат 7, квартира на Каменноостровском, в старинном доме, с длиннейшим, изогнутым в виде буквы «Г», коридором, с «парадным» и «чёрным» ходом, изразцовый печью в коридоре и лепниной на потолке. Мой дед, удачливый бизнесмен, или, как тогда говорили, «новый русский» (странное словосочетание), купил её ещё в начале века. Как-нибудь в другой раз я соберусь с духом и расскажу историю нашего рода. Рода Островых-Соболевых.

Крёстная была старая дева, настоящий «синий чулок», ученица самого Багирцева. Она, вскоре после окончания «1-го Меда», защитила диссертацию по резервным психофизическим возможностям человека и возглавила собственную лабораторию по изучению этих самых возможностей, полностью посвятив себя науке. Мне тоже прочили нечто подобное, пока... Впрочем – крёстная, или «кока», как я её звала, отдала меня в классическую гимназию при Универе, которую я благополучно закончила с Большой Серебряной медалью и, сдав всего один, чисто символический, экзамен, поступила в тот же Универ на Историко-этнографический факультет им. Л. Н. Гумилёва. Передо мной открывалась карьера «учёной дамы»... М-дя... вот думаю, а что было бы, если... Ну и болталась бы сейчас по экспедициям – изучала бы каких-нибудь эскимосов-папуасов и им подобных... Вот это жизнь!

Я была, что называется, – «девчонка из хорошей семьи». Занималась музыкой (без особой охоты и успеха), спортом – пятиборьем (второй юношеский) и была, как и положено девице из «хорошей семьи» достаточно наивна... М-да...

Всю жизнь я ненавидела своё имя. Папенька не нашёл ничего лучше, как назвать меня Джокондой. Именно так – через «а». М-дя... Какая пошлятина! Всякий встречный-поперечный норовил Моной Лизой обозвать, да я ещё и мордой не вышла... Нет, я, конечно, понимаю, что каждая женщина мнит себя невозможной красавицей, но это не мой случай. Я и вправду – уродина. Крёстная и мама с бабушкой, правда, утешали, – говорили, что внешняя красота не главное и тому подобную бредятину, что, мол, из «гадких утят» потом вырастают «прекрас-

ные лебеди» и т.д., и т.п... Только это всё х... И я в один далеко не прекрасный день поняла, что плохой быть легче, чем «хорошей девочкой», потому что плохим можно всё, а хорошим – нельзя ничего. Прозрение моё было очень жестоким, как и всякое прозрение. Мордой об стол. Это сейчас я думаю, что так и должно было быть и даже благодарна судьбе за науку, а тогда... Я вдруг увидела, что совершенно одна, а те, кого я считала близкими и друзьями просто отвернулись от меня. Впрочем, я лила слёзы и всерьёз думала о самоубийстве (вот дура!), пока...

Однажды я вытащила из ящика буклет Российской Армии. На четырёх страницах красочно описывались прелести службы в этой самой Российской Армии. Не знаю, какая муха меня в тот момент укусила, но я попёрлась в военкомат. С Лариской на буксире. Нас обеих записали в Первый разряд. Это означало, что мы можем служить в любых родах войск. Ну мы и выбрали спецназ. Потом была учебка, где мы с удивлением обнаружили Жеку с Гансом и решили впредь вместе держаться. Вообще-то Ганс, не Ганс вовсе, а Андрей. Просто у него фамилия Гансовский. Да он ещё белобрысый и длинный, как верста, и на русского совершенно не похож. Ну, он привык и отзывается уже лучше, чем на родное имя.

В учебке тоже много всяких чудес было. Это была просто песня, я вам скажу! Взять, хотя бы, неопишемого прапора Говенько с его шедеврами типа: «Сапоги надо чистить с вечера и утром надевать на свежую голову!», или «Я вам в академиях не кончал, но высшее образование вам даду!». Ну и так далее. Хотя – нет. Говенько появился позже. А там был не менее колоритный тип. По фамилии Ворюгин. Да, Ворюгин. Однажды, помню, припёрлась в часть какая-то комиссия с проверкой. Всю ночь перед её прибытием мы, салаги, собирали опавшие листья, красили их в зелёный цвет и привязывали обратно на ветки. Траву тоже красили. Смысла сих эволюций мне, например, не понять до сих пор. В цветистом буклетике про это ничего не говорилось. Но с некоторых пор меня столкновения с действительностью не обламывали.

В армии многим ребятам снятся девчонки. А мне снился наш ротный старшина Ворюгин. В голом виде. Это притом, что наяву я к нему никаких нежных чувств не питала.

А ещё через пол-года началась война. И всё стало каким-то мелким и незначительным. Я помню, как впервые увидела воздушный бой. Вернее – не сам бой, он шёл слишком высоко – в верхних слоях атмосферы, с земли были видны только огненные сполохи, похожие на северное сияние – выстрелы лазерных пушек. Мы с Лариской сидели на рельсах на каком-то Богом и людьми забытом полустанке где-то в Тверской губернии и смотрели в небо. Страшно не было. Было любопытно. Чем-то на салют похоже. Страшно мне было уже потом, когда мы вели к Земле пленный флагман космитов.

Кто они были? А хрен их знает. Бродяги без роду-племени. Когда-то они, или их предки, покинули Землю, захватив первый построенный звездолёт со сверхсветовым ускорителем. Вообще-то я была права – всё началось тогда – в середине XX века. Ну, да это всё история.

Компания, угнавшая звездолёт, была довольно пёстрая и разношёрстная. Все они преследовали совершенно разные цели и зачастую были людьми случайными. Со временем появился у них некий Босс, сумевший сплотить их всех, подчинить и организовать. Он же и идеологию им предложил – смесь гитлеризма, коммунизма, ещё какого-то «...изма» и каких-то восточных учений. Они отреклись от прошлого, от своего происхождения и с оху... шими рожами кинулись завоёвывать мировое господство. Ну, понятное дело, ничего у них не вышло. Потому как была эта компания обычным сборищем неудачников, которым просто дали пинка под зад. Тут пояснить надо. Дело в том, что вскоре после того, как ребята на уворованном звездолёте попытались покинуть пределы Солнечной системы, у них там что-то где-то переклинило, и этот самый ускоритель вышел из строя. Впрочем, пока ребята там разобрались, что у них там как, да почему, пока всё это дело починили, пока осмотрелись и поняли, что с ними произошло – на Земле много воды утекло. Утеклецы поняли, что они влипли, и у них приключилась там вполне законная паника, со всеми вытекающими последствиями. Жан рассказывал, как они там устраивались, как приспособливали корабль под жильё, как искали планеты, пригодные

для посадок, ползая по Солнечной системе. Они многое повидали, многое узнали. На корабле успели подрасти новые поколения, которые о Земле знали только понаслышке. Родины у них не было, дома тоже. Детей забирали от родителей вскоре после рождения, и они зачастую не знали, кто их родители. Семей в нашем, земном, понимании у них тоже не было. Женщин у них было мало, поэтому деторождение было сильно ограничено. Чем более высокий ранг занимал работник, чем более он был ценным, тем меньше у него было шансов получить разрешение на создание семьи. Это ведь отвлекало его от работы. Странные, однако, взгляды. Разрешение на рождение ребёнка давал лично Босс и зачастую руководствовался личными мотивами. И к деторождению не допускались те, кого он считал «неблагонадёжными». Это уже Гэн потом рассказывал.

Вояки они оказались весьма и весьма посредственные. А когда дело доходило до наземных схваток, то и вовсе никудышные. В самом начале войны, когда они предприняли попытки вести наземные боевые действия, мы их щёлкали, как куропаток. Посему война очень скоро перенеслась в околоземное пространство и превратилась в стычки на подступах к Земле. Они отрезали Землю от колоний на Марсе и баз на Луне и просто держали нас в осаде, попутно завязав дружбу со всевозможными террористическими и прочими нехорошими организациями, чтобы те действовали на Земле по их указке. Всё это продолжалось почти три года, пока в Объединённом Командовании не пришла в голову кому-то светлая идея операции «Лунное Затмение». Именно так она именовалась в документах. Вобщем, «сверхчеловеки» в очередной раз обгавнялись. Причём – буквально...

Часть 1

Глава 1. Хмурое утро

...Он открыл глаза. Удачно. Картинка слегка двоилась и мутилась, но видимость была полная. Уже хорошо. Голова болела. Не просто так, а толчками. Словно кто-то там, внутри, пытался пробить черепушку и вырваться наружу.

«Ой, мама...» – сказал кто-то там, внутри него. Этот кто-то был несчастный и одинокий. Осторожно он попытался сесть. Тело ломило, словно по нему проехался асфальтовый каток. Во рту было сухо и гадостно. А ещё примешивался вкус солёного железа. Это было знакомо. Сидеть было форменным насилием, и он снова лёг. Было тепло. И это было неплохо. Но полежать ему не дали. Плотная стеклянная стена отъехала, и появились двое в синей форме.

– Встать! – оглушительно рявкнул один из них. В голове брызнули ярко-жёлтые осколки. Встать было насилием ещё большим, чем сесть. Но он встал. Его слегка мотало.

– Лицом к стене! – продолжал гроыхать синий.

Умом он понимал, что этот синий вовсе не орёт, а говорит нормальным голосом, но слушать это было невыносимо. Слух и душа требовали тишины и покоя. Тело тоже требовало.

– Руки назад!

На него надели силовые браслеты.

– Пошёл!

Коридор, в котором воняло гадостно, утыкался в лестницу. На лестнице курили другие двое в синем. Курить хотелось, но от запаха дыма его стало мутить.

В кабинете было прохладно и светло от деревянных панелей, коими были обиты стены.

– Присаживайтесь. – устало сказал немолодой, в штатском, – Браслеты снимите.

Это уже конвоиру. Тот отключил силовое поле и снял наручники. Немолодой в штатском налил стакан воды и толчком по столу придвинул ему. В стакане шипела таблетка.

– Выпейте.

Едко пахло чем-то цитрусовым. Он выпил и вскоре действительно полегчало. Ненамного. Тело и лицо ещё побаливало. И губы щипало. Немолодой в штатском взял лист бумаги и стал читать:

– «18 октября 208... мною, квартальным надзирателем Василеостровской части города Санкт-Петербурга Базловым Сергеем Валентиновичем и нижними полицейскими чинами Канашкиным Андреем Петровичем и Васильевым Антоном Петровичем при содействии представителей общественности был задержан в нетрезвом виде в баре „Зурбаган“, принадлежащем частному предпринимателю Агиеву молодой человек, отказавшийся назвать своё имя. При задержании оный молодой человек оказал сопротивление, кричал, что он чемпион России по боям без правил, оскорблял словесно и действием сотрудников бара и полицейских...»

Немолодой в штатском прервал чтение и посмотрел на задержанного. Тот молчал и смотрел в окно за его спиной. Там шёл дождь, и мотались мокрые полуголые деревья. Немолодой в штатском проследил его взгляд, вздохнул и продолжил чтение:

– «... Посетители бара под присягой показали, что означенный молодой человек, нарушая тишину и благочиние, пел громко песни и выкрикивал оскорбления, пытаясь затеять ссору с посетителями бара. На требование владельца бара Агиева вести себя тихо, ответил грубой бранью нецензурного характера и угрозами физической расправы, сказав, что он – чемпион России по боям без правил. Потом ударил одного означенного Агиева кулаком в лицо. На помощь Агиеву бросился его родственник и посетители бара, которые вызвали наряд. После задержания одного означенного дебошира, на нём было обнаружено удостоверение лич-

ности на имя Лаппалайнена Марку, финна, гражданина России, уроженца города Санкт-Петербурга...»

Немолодой в штатском отложил листок, и устало посмотрел на похмельного задержанного.

– Припоминаешь вчерашнее? – спросил он.

– Смутно. – честно ответил Шакалёнок.

Немолодой вздохнул.

– И?

– Позвонить можно? – спросил вместо ответа Шакалёнок.

Немолодой в штатском тем же толчком, каким придвигал стакан с похмедолом, придвинул ему трубку телефона, снятую с базы.

– Звони.

Большим пальцем тот набрал несколько заветных цифр.

– Полковник Селин. – густо ответила трубка.

– Это я. – ответил Шакалёнок.

– Опять проблемы?

Немолодой в штатском прислушивался с плохо скрываемым интересом. Шакалёнок передал ему трубку. Немолодой взял её и выслушал всё, не переменяясь в лице. Нажал отбой и посмотрел на Шакалёнка. Тот смотрел мимо.

– Свободен. – сквозь зубы процедил немолодой в штатском. Пихнул толчком через стол истрёпанную карточку удостоверения Шакалёнка, отметил пропуск, который вместе с удостоверением Шакалёнок сгрёб со стола, не глядя на него.

На улице было гадостно. Где-то во дворах чадила подожжённая помойка, горелый смрад смешивался с сырым воздухом. Зонта не было, курева тоже. Как, впрочем, и наличных денег. Шакалёнок поднял воротник старой кожаной куртки и побрёл, куда глаза глядят. Глаза глядели в сторону ближайшего магазина. На счёте должны были оставаться ещё какие-то деньги. Если нет – оставался последний вариант – семья. А с ней у Шакалёнка были сложные отношения. Дома он не жил лет с 14. Из-за отчима. Марку-Шакалёнок так и не мог понять – зачем мать вышла замуж за этого уроды. Но мать упорно избегала разговоров на эту тему. А семья, тем временем, разбежалась. Первой ушла Хелга. За ней последовала старшая – Биргита. И теперь дома оставался только Тойво. Брат-близнец. Воспоминание о братце вызвало у Марку острый приступ тошноты. Братья друг друга терпеть не могли лет с 8-ми. Тойво изо всех сил подлизывался к отчиму, стремясь заслужить его расположение, в противоположность Марку.

Людей в гастрономе почти не было. И деньги на счёте, к счастью, ещё были. Он купил бутылку пива, пачкупельменей и нарезной батон. Подумал, взял ещё пачку масла и банку сметаны.

Дома воняло грязными носками и холодным сигаретным пеплом. Марку залез под контрастный душ. Многочисленные ссадины горели от попавшей воды. Из зеркала на него смотрела протокольная рожа с разбитой губой и рассечённой бровью. Уже сидя на кухне в одном полотенце он вспомнил, что не купил сигарет. Идти на улицу не хотелось. Из раздумий на тему – идти, или ну его на фиг, его вырвал сигнал видеофона. Звонил полковник Селин.

– За тобой заедут. – коротко сообщил он, – Чтоб через 15 минут готов был.

***

Девочка лет 7, с туго заплетёнными толстыми рыжими косичками и в тёмных брючках вскочила на подножку вагона вслед за мальчишкой-подростком.

– А как мы вылезем наверх? – спросила она.

– Дверь видишь? Через неё попадём на площадку между вагонами. А там есть лесенка. Лесенка действительно нашлась. Электричка уже набрала ход.

– Держись за что-нибудь! – крикнул парнишка девочке.

Их сняли с вагона в Красном Селе. Мальчишка только чудом остался жив – его долбануло током, и он чуть не свалился с крыши вагона. Непонятно как девочка сумела его удержать...

Марку стряхнул воспоминания, подкинутые услужливой памятью. Но именно отец девочки привлёк внимание контрразведки. Отца звали Владислав Остров. Житель посёлка Тайцы под Питером. Архитектор, 35 лет, женат, две дочери... Из полученных оперативных данных – ведёт аморальный образ жизни. И явно не по средствам ведёт, ибо заказов в последнее время получает мало. Пьёт.

– Скорее всего – алкоголизм в начальной стадии. – говорил Селин, – Такие люди падки на халяву.

– Я понял. – кивнул Марку.

Полковник с лёгкой усмешкой рассматривал его лицо.

– Очень кстати тебе рожу разбили.

– Спасибо. – осклабился Шакалёнок.

– Ты, кажется. С его женой был знаком? – продолжал полковник.

– Был. – не стал отрицать Шакалёнок.

– Тут вот такая интересная фигня выходит. – полковник перелистнул несколько листов в какой-то папке, – Ты у нас, кажется, занимался подпольным рынком рабов?

– Я.

Селин кивнул.

– А пару недель назад стало известно о том, что никуда этот рынок не делся.

– Но ведь его вроде как разгромили? – возразил Шакалёнок.

– Верхушку только срезали. – поморщился Селин, – Слишком уж прибыльное это дело... Не перебивай, а слушай. Пару недель назад наш знакомый был замечен на этом рынке. Что он там делал – остаётся только догадываться. Рынок сейчас переместился в Токсово.

– С него начать? – деловито осведомился Шакалёнок.

Селин мотнул головой досадливо – мол, не перебивай ты.

– Можешь и с него. А скажи-ка мне, дружок, знаком ли тебе некий Бага?

Бага, конечно, был знаком Шакалёнку. И Селин это прекрасно знал.

– Он подпольный ринг держит. – сказал Шакалёнок, – И бойцов иногда набирал на том самом рынке.

Шакалёнок раньше и сам несколько раз выступал у Баги.

– Наведайся и к нему заодно. – сказал Селин.

Выйдя от полковника, Шакалёнок дошёл, наконец, до киоска и закурил первую за этот день сигарету.

В поле зрения конторы полковника Селина он попал около полугода назад. После очередной драки в очередном кабаке, неприметные крепкие ребята в штатском предложили ему нехитрую альтернативу: или нары, или работа у них. На тот же срок. Или больше. Как карта ляжет. Марку подумал – и согласился. Но полковник Селин быстро дал ему понять, что попал Шакалёнок в крепкие лапы, да в ежовые рукавицы. Полковник с Марку не церемонился, сразу поняв, что люди, типа Марку понимают лишь силу. И считаются только с теми, кто сильнее их. Марку это тоже понял и мудро решил не ерепениться. Ибо себе дороже выйдет.

Зазвонил телефон. Марку поморщился и какое-то время думал – отвечать-не отвечать? Звонил Соло Дзенилевский. И, скорее всего не сам, а по поручению. И вот именно поэтому отвечать не хотелось. Однако, поколебавшись, Марку взял трубку. Это действительно был Соло.

- Ты где? – сходу спросил он. Марку ответил в рифму.
- Надо встретиться. – в голосе приятеля проскочили панические нотки, – Я, кажется, влип.
- Перкеле! – выругался Шакалёнок, – Сейчас не могу! А что у тебя?
- Меня, кажется, засекли! В смысле – мой комп. Когда я пытался...
- Перкеле! – повторил Шакалёнок, – У тебя есть куда свалить на время?
- Только к родителям.
- Вот и вали!

***

Ветер морщил тёмную, даже на вид холодную воду канала. Сырой стылый воздух пропитывали испарения воды, от водородных двигателей, едко пахло сыростью, мокрым камнем, резиной, горелым маслом от уличных закусочных. Сунув руки в карманы куртки Марку-Шакалёнок пробирался сквозь густую равнодушную толпу на Невском. Бага его предложение встретиться принял чуть ли не с восторгом. Полное имя Баги было Бахадур, и был он бурят, но семья его уже несколько поколений жила в Петербурге. Кроме помянутого подпольного ринга Бага занимался и вполне дозволенным делом – держал по городу сеть дешёвых забегаловок под немудрящим названием «Обжорка». У контрразведки, впрочем, были весьма веские основания полагать, что через свою «Обжорку» он деньги отмывает. А Марку-Шакалёнок как-то пошутил в подпитии, что и в пищу посетителям «Обжорки» подают безвестно павших бойцов подпольного ринга.

Бага в этот день обслуживал посетителей сам в головном кафе на углу Невского и Лиговки. Шакалёнок ввалился в тесную кафешку под звон восточных колокольчиков на двери.

- А! Привет убогому чухонцу! – приветствовал его Бага.
- Здорово, узкоглазый.

Шакалёнок забрался в угол за столик у окна, Бага, поставив вместо себя кого-то, прошествовал к нему. Бага был колоссален – рост почти два метра и вес около 200 кг. Жёсткие, как конский хвост, чёрные волосы, стянутые на затылке красным шнуром спускались по жирной мясистой спине почти до пояса, лицо круглое, как медный таз, с толстыми вывороченными губами и плоским, размазанным носом. Над носом узкие заплывшие глазки, под носом – кошачьи усы, как у Петра Первого.

- Как всегда? – спросил Бага, подходя.

Марку-Шакалёнок кивнул. Заказ Бага принёс сам.

- Что, опять на мели? – вопрос прозвучал как утверждение. Марку отхлебнул пива и кивнул.

- Я хотел бы немного подзаработать. Если ты ещё занимаешься.

– Сложно стало. – ответил Бага, – Со всех сторон обложили. А после того как прикрыли плешку на Ржевке... Говорят – кто-то из ребят скурвился и стал на контору барабанить. – сказал Бага.

- Хочешь сказать – Ржевку по наводке прикрыли? – переспросил Шакалёнок.

Бага промолчал, но красноречиво промолчал.

- Мне нужны деньги. – Шакалёнок пожал плечами и отхлебнул ещё пива, – Когда у тебя следующий турнир?

***

Свет фонарей, освещавших залитый кровью песок ринга, качался в красноватом тумане. Там, за столбами света, невидимая, бесновалась толпа. Громче всех и различимее всех были женские голоса. Женщины вообще более падки до крови, чем мужчины, отстранённо подумал Шакалёнок. Он почувствовал, что слабеет. Чуть в стороне ещё дёргал лапами и скулил в агонии здоровенный ротвейлер. Всё-таки пёс его здорово порвал. Какая сука научила его бросаться на гениталии? Мысли шли как-то вяло и косо. Марку попытался удержаться на ногах, но левая, там, где на ляжке была рваная рана, упорно подламывалась в колене.

«Чуть не кастрировал, гад...» – успел подумать Марку.

А потом вперёд протолкался полковник Селин, почему-то вместе с Багой. Селин густо басил что-то, словно пытался доказать это что-то Баге. Потом они вдвоём повернулись к Марку, словно призывая его в свидетели.

«А пошли вы...» – хотел сказать Марку, но язык во рту не ворочался, да и к челюсти словно гирию привязали.

Полковник Селин смотрел на лежавшего перед ним на больничной койке Марку-Шакалёнка и хмурился. Марку попытался придать лицу независимое выражение, но получилось не очень. Было ясно, что Селин знает больше его, Марку.

– Этот твой Бага – порядочная скотина. – сказал наконец полковник.

– Это вы меня вытащили? – спросил Шакалёнок.

– Нет. Тебя вывезли на какой-то пустырь и бросили подыхать. «Скорую» вызвала какая-то сердобольная тётка, или девушка, которая там с собакой гуляла.

– Красивая?

– Кто? Тьфу! Да ну тебя! Я вот про что. Этот твой Бага, по-моему, заподозрил что-то. И решил на всякий случай избавиться от тебя. Мы его уже колем. Ничего. Запоёт как миленький. У нас и глухонемые разговаривают.

Глава 2. А тем временем где-то...

Тяжелее всего человек переносит даже не отсутствие сна и не недостаток в еде и воде, а невозможность побыть одному. На корабле побыть наедине было невозможно. Никогда. Нигде. Но Жан сумел найти выход и из этого. Этот закуток в одном из дальних отсеков был его тайной. Его личной территорией. Здесь не было камер слежения, и сюда почти не заходил никто из obsługi и членов экипажа. Вырваться удавалось редко, и Жан ценил эти короткие минуты как величайшую ценность. Он садился на пол, подтягивал к груди согнутые в коленях ноги и закрывал глаза. И наступало блаженство. Он был один. Вообще один. Во всей вселенной.

Когда-то, Жан помнил это очень смутно, – он жил совсем в другом месте. Кажется – на Земле. Да, конечно, на Земле. А где же ещё? Из всего этого у него осталось только два воспоминания – чей-то живот, в который он утыкается лицом и зелёные ветви на фоне синего неба. Где это было? Чей живот? Он не помнил. А может – и звали его не Жан, а как-то по-другому? Может – и не Жан. Но здесь – на космическом корабле его звали Жаном. Почему? Он никогда не задумывался об этом. А вот вспомнить – как и почему он оказался на корабле – пытался много раз. Но ничего не получалось. Про свои попытки вспомнить он не рассказывал никому. Даже Гэну. Хотя – тот бы понял. И про свой уголок тоже никому не говорил. Иначе – уголок пришлось бы делить. С тем же Гэном, например, а Жан не хотел ни с кем делиться. Возможность побыть одному слишком дорого стоила.

Жан закрыл глаза и в очередной раз попытался вспомнить.

Им много раз объясняли – почему они покинули Землю. Земля – как объяснял Босс – погрязла в пороках и разврате. Цивилизация загнивает и только они – носители Правильных Идей и Истинных Ценностей должны принести спасение. И они вернутся на Землю. Когда придёт время. А пока – надо готовиться. Конкретных сроков, впрочем, не называлось. Но Боссу, видимо, было виднее. На то он и Босс...

Жан был охранником Наружной Службы Слежения. Сначала его учили как пилота, но Боссу опять же, показалось виднее. И Жана перевели в Наружную Службу Слежения. Босс единолично распоряжался судьбами всех. Не сказать, чтоб Жану это сильно нравилось. Но бороться ему в голову не приходило.

Жан открыл глаза и посмотрел на часы. Его отсутствие могли и заметить. Что-то он засиделся в этот раз... Он поднялся и неспешно двинул по коридору в центральный отсек.

– Тебя вызовут во время Часа Откровения. – шепнул ему Гэн, поравнявшийся с другом в одном из коридоров.

Жан поморщился. Час Откровения на корабле ненавидели все. Но отвертеться от него было практически невозможно. Нужно было быть либо больным, либо мёртвым. А если на Часе Откровения вызывали специально, то прегрешение было уж очень серьёзным... Хотя – что Босс считал серьёзным прегрешением – угадать было практически невозможно. Неужели кто-то узнал про его тайные уединения в закутке и донёс? Настроение у Жана стремительно пошло вниз.

– Как у тебя с Ией? – спросил Жан, чтобы что-то спросить.

– Нормально. Наверное, нас допустят до деторождения.

За Ией Гэн ухаживал с переменным успехом уже года два. Об их отношениях знали все, включая Босса, да на корабле и не возможно было что-то скрыть. Даже если сам не скажешь – всегда найдутся доброхоты, готовые донести. У Жана подруги не было. Да он и не стремился завести какие-либо отношения. Непременно вмешается кто-то. И в первую очередь – Босс. А Жану не хотелось, чтобы кто-то вмешивался. Правда – все его нежелания носили характер смутный и неосознанный. Вряд ли он смог бы высказать их вслух. Да и вряд ли осмелился бы.

Ведь это значило – пойти против Босса. А против Босса идти чревато. Вот Жан и переживал молча.

Час Откровения состоялся не в обычное время, а гораздо раньше. Зал, возвышенно именуемый на корабле «кают-компанией», мгновенно набился битком. Те, кому не хватило места, или просто не положено было сидеть, – стояли вдоль стен. В числе тех, кому полагалось стоять, был и Жан. Последними, как и полагалось, прибыли Босс и его приближённые. Грон и Северо. Сперва Босс немного пораспинался о Правильных Идеях и Истинных Ценностях (как сильно подозревал Жан – идеи были правильными, а ценности истинными исключительно в его, Босса, понимании). Потом выступили приближённые и те, кому Босс предоставил слово. В числе последних оказался Дан. У Жана с этим типом были довольно сложные отношения. Не в последнюю очередь из-за Новы – подруги Дана. Когда-то Нова была подругой Гэна, но потом ушла к Дану. В неизбежном конфликте Жан встал на сторону Гэна. Дан ничего не сказал, но на Жана затаил даже не обиду. Нет. Кое-что посерьёзнее. Хотя Жану такое к себе отношение было непонятно. Нова ведь осталась с Даном, а у Гэна была Ия... Но на Гэна Дан, вроде бы, сердца не держал, а крайним оказался Жан. Почему? А кто его разберёт. Чужая душа потёмки.

Жан прислонился к стене и устроился поудобнее. К нему протолкался Гэн и стал рядом. Босс, который в это время опять что-то стал вещать, метнул на них сердитый взгляд. И предоставил слово Нове.

– Я заметила, что в последнее время некоторые товарищи и коллеги проявляют нездоровые наклонности. И коллега и товарищ Жан, например, вот, стал отрываться от коллектива.

Нова решила обойтись без предисловий.

– И в чём же это выражается? – живо поинтересовался Северо.

– В последнее время коллега и товарищ Жан манкирует своими обязанностями.

– А разве коллега и товарищ Жан числится в Вашей службе? – снова спросил Северо, – Насколько мне известно – коллега и товарищ Жан числится в Наружной Службе Слежения.

– Да. Это так. Но разговоры...

– А кто ведёт эти разговоры?

– Товарищ и коллега Кодус.

– Вот пусть товарищ и коллега Кодус сам и выскажет свои претензии и замечания. А потом мы заслушаем товарища и коллегу Жана. – подытожил Северо, глядя на Босса, словно ища его одобрения. Босс молча прикрыл глаза.

– Товарищ и коллега Кодус! – решительно воззвал Северо.

Кодус энергично прошествовал к столу, за которым сидело начальство.

– И что Вы можете сказать? – не открывая глаз, спросил Босс.

– В последнее время. А именно – уже двое или трое суток товарищ и коллега Жан не проявляет должного рвения по службе. А сегодня он отсутствовал где-то целых десять минут.

– Я заметила, что в последнее время товарищ и коллега Жан отрывается от коллектива. – подала голос Нова, но замолчала под взглядом Северо.

– Десять минут? – переспросил Северо.

– Я проверял по хронометру. – кивнул Кодус.

– И как давно Вы заметили, что товарищ и коллега Жан отрывается от коллектива? – спросил Северо.

– Около месяца. – ответила Нова.

– Я спрашивал товарища и коллегу Кодуса!

– Примерно так. – кивнул Кодус.

– Примерно?

– Я заметил это около трёх стандартных недель назад.

– Значит – товарищ Нова права?

Кодус кивнул.

– А где товарищ и коллега Жан? Что он скажет в своё оправдание?

– Я здесь. – отозвался Жан.

– Выйдете сюда. Мы все хотим видеть Вас. И слышать Ваши слова.

Жан вышел к президиуму.

– Будьте откровенны с товарищами и коллегами. – повернулся к нему Северо.

«В гробу я видел ваше откровение. И вас всех» – подумал Жан. А вслух сказал:

– Я недомогаю. А сегодня у меня был понос, и я сидел в галюне.

– Это сегодня. А эти три недели?

– Я болен. – продолжал гнуть своё Жан, давно понявший, что главное – это стоять на своём. И рано, или поздно, с тобой согласятся.

– Почему вы не обратились в медблок?

– Я думал – само пройдет. – решил окончательно косить под дурачка Жан.

– А Вы понимаете, что своим поведением Вы подводите коллектив? – снова встряла Нова.

– Чем? – если уж быть идиотом – то во всём.

– Своим поведением! Тем, что Вы, коллега и товарищ Жан, своевременно не обратились за помощью. И в то время, как все Ваши коллеги и товарищи отдают все свои силы служению Правильным Идеям...

Жан понял, что дальше можно не слушать. Он опустил глаза долу и мысленно отключился. Было ясно одно. Болеть коллега и товарищ Жан права не имеет. Закончилось всё как и обычно – товарища Жана приговорили к пребыванию в медблоке и всестороннему обследованию. Потом долго вызывали остальных коллег и товарищей с обязательным отчётам о делах и прегрешениях. Час Откровения – был изобретением Босса, желавшего лично знать всё обо всех. А в конце все хором пели гимн Правильным Идеям. Гимн был старый. И призывал до основания разрушить весь мир, дабы затем на развалинах построить что-то новое, от чего вселенная ахнет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.